

Левъ Шестовъ

(Къ его семидесятилѣтію).

Левъ Шестовъ родился 13-го февраля 1866 г. въ Кіевѣ, гдѣ окончилъ гимназію, а потомъ юридическій факультетъ со степенью «кандидата правъ». Но его влекла не юриспруденція, а философія, и въ дальнѣйшемъ это — жизнь уединеннаго мыслителя, посвященная философскимъ трудамъ. Только въ послѣдніе лѣтъ пятнадцать къ философскому писательству присоединяется чтеніе лекцій по философіи на русскомъ историко-филологическомъ факультетѣ въ Парижѣ. А ближе на вопросъ о біографическихъ данныхъ нужно отвѣтить перечнемъ темъ и датъ его философскихъ трудовъ*), ибо, подлинная жизнь Шестова — въ его философскихъ бореніяхъ. И тѣ строки изъ «Мцыри», которыя Шестовъ приводитъ, говоря о Толстомъ, хочется приписать и къ нему: онъ зналъ всегда

... одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть...

Мѣняются его темы, матеріалы, источники вдохновенія: Шекспиръ, Ницше, Толстой, Достоевскій, Плотинъ, Паскаль, Лютеръ,

*) Вотъ они: «Шекспиръ и его критикъ Бридестъ», 1898. «Добро въ ученіи Толстого и Ницше», 1900. «Философія трагедій» (Достоевскій и Ницше), 1903. «Апофеозъ безпочвенности» (Опытъ адогматическаго мышленія), 1905. «Начала и Концы», 1908. «Великіе Кануны», 1910. «Власть Ключей», 1923. «На всѣхъ тонахъ» (Страствованія по душамъ), 1929. (Почти три четверти этой книги были напечатаны въ «Современныхъ Запискахъ»). «Скованный Парменидъ» (объ источникахъ метафизическихъ истинъ). Изъ журнальныхъ статей нужно отмѣтить двѣ большія работы въ *Revue Philosophique*: «Dans le langage de Phalaris» въ первыхъ двухъ книжкахъ 1933 г. и «Athènes et Jérusalem», 1935-36 гг. Наконецъ, на дьяхъ выйдетъ, если уже не вышелъ, его большой трудъ на французскомъ языкѣ (въ переподѣ съ рукописи, еще незаданной): «Kierkegaard et la Philosophie Existentielle». Большинство его книгъ переведены на французскій, нѣмецкій, англійскій, голландскій (частью и на японскій) языки.

Кирхегардтъ. Но всегда исходный пунктъ его философіи — трагизмъ чловѣческаго существованія, «вѣчное рыданіе земли, теряющееся въ вѣчномъ безмолвіи небесъ» (Жоржъ Зандъ). Или еще — какъ опредѣлялъ стойку Эпиктетъ — «начало философіи есть сознание чловѣческаго безсилія предъ Необходимостью». Но, если и эллискіе мудрецы, и философы новаго времени (были, конечно, и исключенія) видятъ исходъ въ томъ, чтобы смиренно покориться неизбѣжности, въ этомъ смиреніи видѣть свою добродѣтель и въ этой добродѣтели находить свое «высшее благо», то Шестовъ не можетъ примириться съ Необходимостью, какія-бы возвышенныя обличія она ни принимала: съ необходимостью, которой пронизаны самоочевидности разума, истина, логика, не больше, чѣмъ съ внѣшнимъ принужденіемъ. Онъ не хочетъ идеализировать необходимость. Онъ отвергаетъ всякій моралистическія утѣшенія, всякій морализирующий идеализмъ: лучше ужъ самый прямолинейный матеріализмъ! Онъ хочетъ выявить подлинный ликъ необходимости, бездушный и неживой. Ибо, когда во всемъ своемъ нестерпимомъ ужасѣ предстанетъ предъ нашимъ сознаніемъ ея кошмарное царство, можетъ вдругъ зародиться мысль, ощущение: не «павожденіе»-ли эта ея власть, не «павожденіе»-ли такъ называемая «естественная необходимость» и самоочевидность истинъ разума, не тотъ-ли «грѣхъ», который совершилъ первый чловѣкъ, когда, соблазненный плодами съ древа познанія добра и зла, позналъ Необходимость и утерялъ свободу? Какъ въ кошмарномъ сновидѣніи самый ужасъ предъ кошмаромъ можетъ вызвать у спящаго порывъ къ пробужденію, такъ для Шестова именно, предѣльно-трагическое, послѣдній ужасъ, безнадежность, есть начало философіи.

Но это уже не наукообразная философія, послушная самоочевидностямъ разума, а философія, какъ «борьба и преодоленіе самоочевидностей». Конечно, касаться въ краткой замѣткѣ темъ Шестова значитъ только называть ихъ. Шестовъ не объявляетъ просто похода противъ разума и логики: здѣсь, на отмели времени, гдѣ нужно сообщать вести борьбу за существованіе, нужны общеобязательныя истины науки, какъ нужны нормы морали. Но онъ возстаетъ противъ захвата разумомъ власти тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о «послѣдней» истинѣ, о «единомъ на потребу», т. е. въ философіи.

Всѣ мы равно, философы и профаны, исповѣдуемъ убѣжденіе, что истина исторгаетъ наше признаніе, что она принуждаетъ, хотимъ мы ее или нѣтъ, ибо она зависитъ не отъ нашихъ желаній, отъ того, что мы хотѣли-бы, чтобы было, а отъ

того, что на самомъ дѣлѣ есть. Но Шестовъ этой прину- дительной истинѣ, которая глуха къ человѣческому зовамъ, воплямъ и проклятіямъ, которой ни до кого и ни до чего нѣтъ дѣла, противопоставляетъ иную истину и говоритъ въ философіи не о такомъ видѣніи, не «о такомъ глазѣ, который видитъ то, что есть, а о такомъ, при которомъ то, что онъ видитъ, по его волѣ становится тѣмъ, что есть». Истинѣ, какъ обнаруженію необходимости, Шестовъ противопоставля- етъ истину, которая есть осуществленіе безграницной творческой свободы. Истинамъ разума — истину «откровенную», эллини- ской мудрости — Библию, Аѳинамъ — Иерусалимъ. Библия не считается ни съ какими самоочевидными принципами, ни съ ка- кими вѣчными истинами. Тамъ и надъ истинами есть Хозяинъ, и для Бога нѣтъ ничего невозможнаго. Богъ можетъ и однажды бывшее сдѣлать небывшимъ, какъ Онъ вернулъ Іову здоровье, богатство, дѣтей. Истину не «вѣчную», а «сотворенную» и по- тому всегда, какъ все сотворенное Богомъ, благостная, слу- жать Богу и человѣку. Когда Богъ сказалъ Аврааму идти въ Обѣтованную Землю, то Авраамъ пошелъ, не зная куда. И онъ не имѣлъ нужды въ знаніи, не имѣлъ нужды спрашивать, что есть: ибо тамъ, куда онъ придетъ и потому, что онъ туда при- деть, тамъ-то и будетъ Обѣтованная Земля.

Можно подумать, что здѣсь у Шестова знакомый путь об- ращенія отъ философіи къ религіи. Но совершенно исключи- тельная своеобразность и трудность мысли Шестова въ томъ, что въ Библии онъ видитъ источникъ не только религіозной, но и философской истины. Такъ, напримѣръ, въ разказѣ книги Бытія о грѣхопадѣніи заключена для него уже метафизика познанія. Скажутъ, что Шестовъ смѣшиваетъ разные пла- ны духовной жизни и посягаетъ на автономію философскаго познанія. Но тамъ, гдѣ дѣло идетъ о послѣдней истинѣ, не есть-ли раздѣленіе этихъ плановъ — дѣйствіе все того же древняго искушенія и не приводитъ-ли оно въ результатъ къ тому, что и «Откровеніе должно оправдаться предъ разумомъ — иначе никто съ нимъ считаться не будетъ»?

Въ мышленіи Шестова есть нѣчто освобождающее и глубо- ко волнующее. Припоминается то, что онъ говоритъ о самомъ страшномъ въ трагическомъ опытѣ Паскаля: «чувствуешь подъ собой раскрывшуюся бездну... кажется, все кончилось. И точно, что-то кончилось, но что-то и началось. Пришли новыя, не- постижимыя силы, пришли новыя откровенія». Философія Ше- стова есть, конечно, стремленіе прорваться къ иному опы- ту. Если при этомъ Шестовъ ставитъ подъ вопросъ то, что

мы склонны считать неизблемыми принципами всякаго философствованія, то и тогда и даже *par excellence* тогда его паѳосъ есть истинно философскій паѳосъ. Его мышленіе исключительно оригинально, но у него (и это — характерная черта его духовнаго облика) ревность объ идеѣ и ея судьбѣ вытѣсняетъ изъ сознанія притязаніе на авторство. Онъ всегда какъ-бы уходитъ въ тѣнь и выдвигаетъ на первый планъ тѣхъ, кто, по его мнѣнію, уже до него сказалъ то же самое. Таково въ частности его отношеніе къ Достоевскому и Кирхегардту. Русская художественная литература (Достоевскій, Толстой) владѣетъ думами Шестова съ первыхъ опытовъ его философствованія. Онъ пламенѣетъ ея настроенностью и считаетъ, что она есть самое цѣнное воплощеніе русской философской мысли. Но когда онъ проблематику знанія, которая есть его тема, цѣликомъ относитъ къ Достоевскому, то все же то, что Достоевскій сказалъ до Шестова, обрѣтаетъ свой полный смыслъ только послѣ того, какъ попадаетъ въ магнитное поле Шестовской мысли. Или: объ «отстраненіи этическаго» у Кирхегардта, котораго Шестовъ до послѣднихъ годовъ едва зналъ по имени, т. е. объ отстраненіи добра, когда добро посягаетъ стать на мѣсто живого Бога, Шестовъ нерѣдко рассказываетъ такъ, какъ если-бы онъ, Шестовъ, никогда не заканчивалъ уже одинъ изъ своихъ самыхъ раннихъ трудовъ словами: «Добро не есть Богъ. Нужно искать того, что выше добра. Нужно искать Бога». А между тѣмъ и «отстраненіе этическаго», и многое другое Шестовъ проводитъ съ упорствомъ и смѣлостью, которыхъ не хватало Кирхегардту, не разъ отступавшему.

Но если Шестовъ не притязаетъ на исключительную оригинальность, то она все же — ульль его *malgré lui*. Въ пьесѣ Ибсена корона достается тому изъ «претендентовъ на престолъ», который есть законный претендентъ и у котораго есть своя «королевская идея». У Шестова тоже есть своя «королевская идея», потому что онъ — философъ «Божьей милостью».

А. Лазаревъ.